

Личины. Джеймс Джойс

Разъяренно задребезжал звонок, и, когда мисс Паркер сняла трубку, разъяренный голос выкрикнул с пронзительным североирландским акцентом:

– Пошлите ко мне Фэррингтона!

Мисс Паркер, возвращаясь к своей машинке, сказала человеку, согнувшемуся над столом:

– Мистер Олейн требует вас наверх.

Человек пробормотал вполголоса: «Черт его подери!» – и отодвинул стул, чтобы встать. Он был высокого роста и плотный. Одутловатое лицо цвета темного вина, белесые усы и брови; глаза слегка навывкате и мутные белки. Он поднял створку барьера и, пройдя мимо клиентов, тяжелым шагом вышел из конторы.

Тяжело ступая, он поднялся по лестнице до площадки второго этажа, где на двери была медная дощечка с надписью: «М-р Олейн». Остановился, пыхтя от усталости и раздражения, постучал. Резкий голос крикнул:

– Войдите!

Он вошел в кабинет мистера Олейна. В ту же минуту мистер Олейн, маленький человечек в золотых очках на чисто выбритом лице, вскинул голову над грудой документов. Вся голова была такая розовая и безволосая, что напоминала большое яйцо, покоящееся на бумагах. Мистер Олейн не стал терять времени:

– Фэррингтон? Это еще что? Долго мне придется делать вам замечания? Можно узнать, почему вы не сняли копию с договора Бодли и Кирвана? Я же вам сказал, что она мне нужна к четырем!

– Но мистер Шелли говорил, сэр...

– Мистер Шелли говорил, сэр... Потрудитесь слушать, что я вам говорю, а не что мистер Шелли говорит, сэр. Вы всегда найдете предлог увильнуть от работы. Имейте в виду – если к концу дня копия не будет готова, я сообщу об этом мистеру Кросби... Понятно?

– Да, сэр.

– Понятно?... Да, и вот еще что. С вами говорить все равно что со стенкой. Раз навсегда запомните: на завтрак вам полагается полчаса, а не полтора. Сколько блюд вы заказываете, хотел бы я знать... Теперь понятно?

– Да, сэр.

Мистер Олейн снова наклонил голову над грудой документов. Человек пристально смотрел на глянцевитый череп, вершивший дела фирмы «Кросби и Олейн», и определял его прочность. Приступ бешенства на миг сдавил ему горло, потом прошел, оставив после себя острое ощущение жажды. Человек уже знал, что вечером надо будет как следует выпить. Скоро конец месяца, и, если он вовремя сделает копию, может случиться, что мистер Олейн даст ему ордер в кассу. Он стоял неподвижно, пристально вглядываясь в склоненную над грудой бумаг голову. Вдруг мистер Олейн

стал ворошить бумаги, что-то отыскивая. Потом, словно только что заметив присутствие человека, он снова вскинул голову и сказал:

– Ну? Вы что, собираетесь целый день так простоять? Честное слово, Фэррингтон, вам все нипочем.

– Я хотел дождаться...

– Вы и дождетесь рано или поздно. Идите вниз и принимайтесь за работу.

Человек тяжело пошел к двери, и, выходя из комнаты, он еще раз услышал, как мистер Олейн прокричал ему вслед, что, если копия контракта не будет готова к вечеру, он доложит мистеру Кросби. Он вернулся на свое место в конторе нижнего этажа и сосчитал, сколько страниц еще осталось переписать. Он взял перо, обмакнул его в чернильницу, но продолжал тупо, не мигая, смотреть на последние написанные им слова: «В случае, если бы означенный Бернард Бодли был...». Становилось темно; через несколько минут зажгут газ, тогда можно будет писать. Он чувствовал непреодолимую потребность утолить жажду. Он встал и, опять приподняв створку, вышел из конторы. Когда он выходил, управляющий конторой вопросительно посмотрел на него.

– Не беспокойтесь, мистер Шелли, – сказал он, показывая пальцем, куда идет.

Управляющий конторой покосился на вешалку, но, видя, что все шляпы на своих местах, ничего не сказал. На лестничной площадке человек вытащил из кармана клетчатую кепку, надел ее и быстро сбежал по шатким ступеням. От парадного он крадущимся шагом пошел к углу, все время держась у самой стены, и наконец нырнул в какую-то дверь. Здесь, в потемках отдельного кабинета заведения О'Нейля, его никто не увидит, и, просунув воспаленное, цвета темного вина или темного мяса, лицо в окошечко, выходившее в бар, он крикнул:

– Эй, Пат, дай-ка сюда кружечку портера, будь другом.

Бармен принес ему стакан портеру безо всего. Человек залпом осушил его и спросил тминного семени[1]. Потом положил на прилавок монету и, предоставив официанту на ощупь отыскивать ее в темноте, все тем же крадущимся шагом выбрался из отдельного кабинета.

Тьма и густой туман овладели февральскими сумерками, и на Юстейс-Стрит зажглись фонари. Человек шел вдоль самых стен к дверям конторы, прикидывая, сумеет ли он вовремя закончить копию договора. На лестнице в нос ему ударил пряный резкий запах духов: очевидно, пока он был у О'Нейля, пришла мисс Делакур. Он снова засунул в карман свою кепку и с напускной беспечностью вошел в контору.

– Мистер Олейн спрашивал вас, – строго сказал управляющий. – Где вы были?

Человек покосился на двух клиентов, стоявших у барьера, словно намекая, что их присутствие мешает ему ответить. Управляющий хмыкнул – ведь клиенты были мужчины.

– Знаю я эти штуки, – сказал он. – Пять раз на дню, не слишком ли... Ну ладно, не теряйте времени и подберите для мистера Олейна всю нашу переписку по делу Делакур.

От этого выговора в присутствии посторонних, быстрого подъема по лестнице и наспех проглоченного портера у человека мутилось в голове, и, садясь за свою конторку, чтобы достать нужные бумаги, он понял, что нечего и надеяться закончить копию договора к половине шестого. Наступал сырой темный вечер, и его тянуло провести его в баре, выпивая с друзьями при ярком свете газа, под звон стаканов. Он достал папку с делом Делакур и вышел из конторы. Он надеялся, что, может быть, мистер Олейн не заметит отсутствия последних двух писем.

Пряный резкий запах стоял на всем пути к кабинету мистера Олейна. Мисс Делакур была немолодой еврейкой. Говорили, что мистер Олейн равнодушен к ней или к ее деньгам. Она часто приходила в контору и, когда приходила, оставалась подолгу. Сейчас она сидела у его письменного стола в облаке духов, глядя ручку своего зонтика и кивая большим черным пером на шляпе. Мистер Олейн повернул свое вращающееся кресло так, чтобы видеть ее, и развязно закинул ногу на ногу. Человек положил папку на стол и почтительно поклонился, но ни мистер Олейн, ни мисс Делакур не обратили никакого внимания на его поклон. Мистер Олейн побарабанил пальцем по папке и затем ткнул в его сторону, как бы говоря: хорошо, можете идти.

Он вернулся в нижний этаж и снова сел за свою конторку. Он напряженно, не мигая, смотрел на недописанную фразу: «В случае, если бы означенный Бернард Бодли был...» – и думал о том, как странно, что три последних слова начинаются с одной и той же буквы. Управляющий конторой стал торопить мисс Паркер, говоря, что она не успеет перепечатать все письма до отправки почты. Несколько минут человек прислушивался к стрекоту машинки, потом принялся переписывать копию договора. Но голова у него была тяжелая, и мысли убегали к яркому свету и шуму пивной. В такой вечер хорошо пить горячий пунш. Он продолжал возиться с копией, но, когда часы пробили пять, ему оставалось еще четырнадцать страниц. К черту! Все равно не кончить вовремя. Ему захотелось выругаться вслух, стукнуть изо всей силы кулаком по столу. Он был до того взбешен, что вместо «Бернард Бодли» написал «Бернард Бернард», и ему пришлось заново переписать всю страницу.

Он чувствовал, что у него хватит силы одному разгромить всю контору. Тело изнывало от желания сделать что-нибудь, крушить и крошить все и вся кругом. Убожество жизни приводило его в ярость... Самому попросить кассира об авансе? Нет, от кассира ждать нечего: как же, даст он ему аванс!.. Он знал, где сейчас можно застать всех ребят: Леонарда, и О'Хэллорена, и Носастого Флинна. Его внутренний барометр предвещал бурю.

Он так погрузился в свои мысли, что только на третий раз услышал, что его зовут. Мистер Олейн и мисс Делакур стояли у барьера, и все служащие повернулись в их сторону, ожидая, что будет. Человек встал из-за своей конторки. Мистер Олейн начал гневную тираду, указывая, что двух писем не хватает. Человек отвечал, что ничего не знает, он переписал все, что было. Тирада продолжалась: она была такой злобной и жестокой, что человек с трудом подавил в себе желание опустить кулак на голову стоявшего перед ним карлика.

– Я ничего не знаю об этих двух письмах, – тупо повторял он.

– Вы ничего не знаете... Ну конечно, откуда вам знать, – сказал мистер Олейн. – Послушайте-ка, – добавил он, оглянувшись в поисках одобрения на стоящую рядом с ним даму, – вы меня за кого считаете? Вы что, за полного дурака меня принимаете?

Человек переводил взгляд с лица дамы на маленькую яйцевидную головку и обратно;

и прежде чем он успел понять, что делает, его язык воспользовался удобной минутой.

– Простите, сэръ, – сказал он, – но с таким вопросом следует обращаться не ко мне.

Последовала пауза, во время которой не было слышно даже дыхания клерков. Все были потрясены (причем автор выходки не меньше остальных), а мисс Делакур, полная, приятная особа, начала широко улыбаться. Мистер Олейн сделался розовым, как шиповник, и ярость гнома искривила его рот. Он тряс кулаком перед самым носом человека с такой быстротой, что кулак, казалось, вибрировал, как головка бормашины.

– Грубиян! Нахал! Теперь-то уж вы дождетесь! Вот увидите! Вы слышали? Вон из конторы, если не извинитесь немедленно!

\*\*\*

Он стоял в подъезде напротив конторы, поджидая кассира на случай, если он выйдет один. Все служащие уже прошли, и, наконец, показался кассир вместе с управляющим конторой. Не стоило и заговаривать с ним при управляющем. Человек понял, что дела его плохи. Ему пришлось принести мистеру Олейну унижительные извинения за дерзость, но он знал, что с этого дня ему не будет покоя в конторе. Он хорошо помнил, как мистер Олейн травил маленького Пика, пока не выжил его из конторы: ему нужно было освободить место для своего племянника. Его мучили ненависть, жажда и желание отомстить; он был зол на себя и на весь свет. Мистер Олейн не даст ему теперь проходу; его жизнь сделается сущим адом. Порядочного дурака он свалил на этот раз. И кто только тянул его за язык? Впрочем, с самого начала у него с мистером Олейном не клеилось, особенно после того случая, когда мистер Олейн услышал, как он передразнивает его североирландский акцент на потеху Хиггинсу и мисс Паркер; с этого все и пошло. Может быть, Хиггинса попытать насчет денег, хотя у Хиггинса у самого никогда нет ни пенни. Когда человек содержит две семьи, где уж тут...

Опять все его большое тело заняло в тоске по уюту пивной. Туман начал пробираться к нему, и он подумал: может быть, у Пата в заведении О'Нейля удастся разжиться чем-нибудь? Да у него больше чем на шиллинг не разживешься – а что толку с одного шиллинга? Но ведь надо же достать денег где-нибудь: свое последнее пенни он истратил на портер, а скоро уже будет так поздно, что денег вообще нигде не достанешь. Вдруг, перебирая пальцами цепочку от часов, он вспомнил о ломбарде Терри Келли на Флит-Стрит. Вот это мысль! Как ему раньше не пришло в голову!

Он пошел по узкому переулку Темпл Бар, бормоча себе под нос, что теперь все они могут провалиться, потому что уж вечерок-то он проведет в свое удовольствие. Приемщик у Терри Келли сказал: «Крона!», но оценщик согласился только на шесть шиллингов; и в конце концов ему отсчитали шесть шиллингов. Он вышел из ломбарда довольный, зажав сложенные столбиком монеты между большим и указательным пальцами. На Уэстморленд-Стрит тротуары были запружены молодыми людьми и девушками, возвращавшимися после службы, и повсюду шныряли оборванные мальчишки, выкрикивая названия вечерних газет. Человек пробирался в толпе, гордо поглядывая по сторонам и бросая победоносные взгляды на конторщиц и машинисток. В голове у него шумело от трамвайных звонков и свиста роликов, а ноздри уже вдыхали пары дымящегося пунша. По дороге он обдумывал выражения, в которых расскажет всю историю приятелям:

– Ну, тут посмотрел я на него – так это, знаете, спокойно, – а потом на нее. Потом опять посмотрел на него, да так это не спеша и говорю: «Простите, сэр, но с таким вопросом следует обращаться не ко мне».

Носастый Флинн сидел на своем обычном месте в пивной Дэви Бирна, и когда Фэррингтон кончил свой рассказ, выставил ему полпинты, заявив, что это, попросту говоря, здорово; Фэррингтон в свою очередь его угостил. Немного погодя явились О'Хэллорен и Пэдди Леонард, и пришлось им рассказать все сначала. О'Хэллорен выставил на всех горячего виски и рассказал, как он однажды срезал управляющего конторой, когда служил у Кэллена на Фаунз-Стрит; но по его рассказу получалось, что ответ был вполне вежливым, и он вынужден признать, что ответ Фэррингтона куда хлеще. Тут Фэррингтон сказал ребятам, что пора посмотреть на доньшки и начать сначала.

Только каждый стал выбирать себе яд по вкусу, вдруг входит не кто иной, как Хиггинс. Само собой, ему пришлось примкнуть к их компании. Его попросили со своей стороны рассказать, как было дело, и он это исполнил очень живо, так как зрелище пяти порций горячего виски привело его в отличное настроение. Все так и покатались с хохоту, когда он изобразил, как мистер Олейн тряс кулаком перед носом Фэррингтона. Потом он представил и Фэррингтона, говоря: «И тут наш герой этак спокойно...» – а Фэррингтон обводил всех своим тяжелым, мутным взглядом, улыбаясь и время от времени обсасывая нижней губой усы, в которых висели капли виски.

Когда и на этот раз стаканы опустели, наступило молчание. У О'Хэллорена были деньги, но у двух других ничего, по-видимому, не осталось; и вся компания не без сожаления покинула пивную. На углу Дьюк-Стрит Хиггинс и Носастый Флинн свернули налево, а трое остальных пошли назад, к центру города. Дождь моросил на холодных улицах, и, когда они дошли до Балласт-оффис[2], Фэррингтон предложил завернуть в Шотландский бар. Там было полно народу и в воздухе стоял звон голосов и стаканов. Все трое протолкались мимо продавцов спичек, которые попрошайничали у дверей, и расположились компанией у одного конца стойки. Стали рассказывать анекдоты. Леонард познакомил их с молодым человеком по фамилии Уэзерс, выступавшим в «Тиволи»[3] акробатом, эксцентриком, певцом – всем понемногу, а Фэррингтон выставил угощение на всю братию. Уэзерс сказал, что выпьет рюмку ирландского виски с аполлинарисом[4]. Фэррингтон, который до тонкости знал, как надо себя вести, спросил ребят, не желает ли и еще кто аполлинариса, но ребята сказали Тиму, чтобы принес горяченького. Разговор перешел на театр. Разок выставил угощение О'Хэллорен, потом опять Фэррингтон, хотя Уэзерс возражал, утверждая, что они чересчур уж по-ирландски гостеприимны. Он пообещал провести их за кулисы и познакомить с хорошенькими девушками. О'Хэллорен сказал, что они с Леонардом пойдут, а Фэррингтон не пойдет, потому что он человек женатый; а Фэррингтон покосился на всю компанию тяжелыми, мутными глазами, давая понять, что он понимает шутку. Уэзерс заставил всех пропустить по стаканчику за его счет и пообещал встретиться с ними попозже у Мэллигена на Пулбег-Стрит.

Когда Шотландский бар закрылся, они переключались к Мэллигену. Они сразу прошли в заднюю комнату, и О'Хэллорен спросил горячего пунша на всех. Они уже были немного навеселе. Фэррингтон только было собрался выставить угощение, когда явился Уэзерс. К большому облегчению Фэррингтона, он спросил только рюмку горького. Денежки уплывали, но пока еще можно было держаться. Вдруг вошли две молодые женщины в больших шляпах и молодой человек в клетчатом костюме и сели за соседний столик. Уэзерс поклонился им и сказал своим собутыльникам, что вся эта компания из «Тиволи». Глаза Фэррингтона то и дело возвращались к одной из

молодых женщин. В ее внешности было что-то привлекающее внимание. Длинный шарф из переливающейся синей кисеи был обвит вокруг ее шляпы и завязан у подбородка большим бантом; ярко-желтые перчатки доходили до локтя. Фэррингтон с восхищением глядел на полные плечи, которыми она весьма вызывающе поводила; а когда немного спустя она ответила на его взгляд, ее большие темно-карие глаза привели его в полное восхищение. Ее манера смотреть, пристально и чуть искоса, действовала на него завораживающе. Она поглядела на него еще раз или два, а выходя со своими спутниками из комнаты, задела его стул и сказала с лондонским акцентом: «O, pardon». Он смотрел ей вслед, надеясь, что она обернется, но она не обернулась. Он проклинал свою бедность и проклинал себя за угощение, выставленное им в этот вечер, и в особенности за виски с аполлинарисом, которым он угощал Уэзерса. Если он кого ненавидел в эту минуту, так это любителей выпить за чужой счет. Он был так зол, что перестал слушать, о чем говорят его друзья.

Пэдди Леонард обратился к нему; оказалось, что речь идет об атлетических рекордах. Уэзерс показывал компании свои бицепсы и до того расхвастался, что Фэррингтона призвали для поддержания национальной чести. Фэррингтон засучил рукава и тоже показал свои бицепсы. Мускулы обоих подверглись тщательному осмотру и сравнению, и в конце концов было решено устроить состязание в силе. Очистили стол, и противники, сцепив руки, уперлись в него локтями. По знаку Пэдди Леонарда каждый должен был постараться пригнуть руку другого к столу. Вид у Фэррингтона был очень серьезный и решительный.

Состязание началось. Секунд через тридцать Уэзерс медленно пригнул к столу руку противника. Багровое лицо Фэррингтона побагровело еще больше от злости и стыда, что такой щенок его одолел.

– Нельзя наваливаться всем телом. Соблюдайте правила, – сказал он.

– Кто это не соблюдает правил? – сказал Уэзерс.

– Давайте сначала. Кто выигрывает два раза из трех.

Состязание началось снова. У Фэррингтона вздулись на лбу вены, а лицо Уэзерса из бледного стало как пион. Руки и пальцы у обоих дрожали от напряжения. После долгой борьбы Уэзерс снова медленно пригнул руку своего противника к столу. Среди зрителей прошел ропот одобрения. Бармен, стоявший у самого стола, кивнул победителю рыжей головой и сказал с дурацкой ухмылкой:

– Ого! Вот это здорово!

– А тебе что? – злобно обернулся к нему Фэррингтон. – Какого черта суешься не в свое дело?

– Шш, шш, – сказал О'Хэллорен, заметив свирепое выражение на лице Фэррингтона. – Пора закругляться, ребята. Пропустим еще по одной – и домой.

Угрюмого вида человек стоял у О'Коннел-Бридж, дожидаясь сэндимаунтского трамвая. В нем кипела затаенная злоба и желание отомстить. Он чувствовал досаду и унижение, он даже не был пьян, в кармане у него оставалось только два пенса. Он проклинал все на свете. Он нажил неприятности в конторе, заложил часы, истратил все деньги и даже не напился как следует. Он снова почувствовал жажду, и ему томительно захотелось очутиться опять в душной, прокуренной пивной. Его

репутация силача погибла после того, как его два раза подряд одолел какой-то мальчишка. Его сердце переполнила ярость, а когда он вспомнил о женщине в большой шляпе, которая задела его, проходя, и сказала «pardon», ярость едва не задушила его.

Трамвай довез его до Шелбурн-Роуд, и он потащил свое грузное тело вдоль казарменной стены. Возвращаться домой было отвратительно. Войдя с черного хода, он увидел, что в кухне никого нет и огонь в плите почти погас. Он заорал:

– Ада! Ада!

Его жена была маленькая женщина с востреньким личиком, которая изводила мужа, когда он был трезв, и которую изводил он сам, когда он был пьян. У них было пятеро детей. С лестницы бегом спустился маленький мальчик.

– Кто там? – спросил отец, вглядываясь в темноту.

– Я, папа.

– Кто это «я»? Чарли?

– Нет, папа, Том.

– А мать где?

– Она в церкви.

– Вот как... А обед? Она оставила мне обед?

– Да, папа. Я...

– Зажги лампу. Чего вы тут торчите впотьмах! А остальные где, спят?

Человек тяжело опустился на стул, мальчик зажег лампу. Человек стал передразнивать интонацию сына, бормоча вполголоса: «В церкви... В церкви, скажите пожалуйста». Когда лампа, наконец, была зажжена, он стукнул кулаком по столу и заорал:

– Ну, где же обед?

– Я сейчас... сейчас приготовлю, папа, – сказал мальчик.

Отец подскочил от ярости и ткнул пальцем в сторону плиты:

– На таком огне? Да у тебя все прогорело! Ну постой, я тебе покажу, как упускать огонь.

Он шагнул к двери и схватил трость, стоявшую в углу.

– Ты у меня будешь знать, как упускать огонь! – сказал он, засучивая рукав, чтоб тот не мешал ему.

Мальчик вскрикнул: «Папа!» – и с плачем бросился бежать вокруг стола, но человек погнался за ним и схватил за полу куртки. Мальчик дико озирался по сторонам, но,

видя, что спастись некуда, упал на колени.

– Другой раз не станешь упускать огонь, – закричал отец и с силой ударил его тростью. – Вот тебе, щенок!

Мальчик взвизгнул от боли, трость полоснула его по бедру. Он сжал руки, и голос у него дрожал от страха.

– Папа! – кричал он. – Не бей меня, папа! Я... я помолюсь за тебя... Я Святую Деву попрошу, папа, только не бей меня... Я Святую Деву попрошу...

Примечания

1 Тминное семя отбивает запах спиртного.

2 Учреждение, организующее работу Дублинской гавани.

3 Театр в Дублине, названный в честь каскада водопадов в Италии на реке Аниене, притоке Тибра.

4 Шипучая минеральная вода.